

Филимонова Ирина Юрьевна

Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова

(г. Могилев, Беларусь)

filimonova-mgu@mail.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ И МИФЫ О ЗАИМСТВОВАНИЯХ

В статье рассматриваются некоторые примеры заимствований, реализованных в ходе языковых контактов Франции и России в начале XIX века.

Ключевые слова: заимствованная лексика, интеграция заимствований, этимология

This article displays examples of borrowings. These are due to the contact between France and Russia, during the 19th century.

Keywords: Borrowings, integration of borrowings, etymology

Период лингвистической экспансии французского языка, выразившейся в значительном увеличении числа заимствований из французского в русский язык, приходится на XVII–XVIII вв. [1], [2]. Активность процесса заимствований в данный период объясняется, в частности, тем, что единый язык, необходимый для развития национальной культуры, в России находился в стадии формирования и существовал в устной форме. А письменный французский язык к тому времени был объектом целенаправленных усилий по его формированию. Свидетельством этому утверждению являются не только литературные произведения (пьесы П. Корнеля, произведения Вольтера, П. де Мариво, А.-Р. Ле Сажа и др.), но и лингвистическая политика Людовика XIV, благодаря которой в королевстве была, в основном, достигнута языковая гомогенизация. Открытие церковно-приходских школ с преподаванием на французском языке осуществлялось в том числе и для того, чтобы вытеснить диалекты с лингвистической карты Франции, придав им статус маргинального языкового субстрата.

Обретенные Францией сильные позиции на мировой политической сцене постепенно привели к тому, что французский язык стал доминирующим языком в различных социальных сферах. В России, кроме того, он стал своеобразным “*signum*” класса. В.В. Виноградов заметил по этому поводу, что «к концу XVIII в. процесс европеизации русского языка, осуществлявшийся преимущественно при посредстве французской культуры литературного слова, достиг высокой степени развития. Старокнижная языковая культура вытеснялась новейшей европейской» [3].

Способствовали процессу взаимообогащения языковых культур политические и исторические процессы, явившиеся иллюстрацией диалектического закона единства и борьбы противоположностей.

Так, Наполеон Бонапарт, чьим родным языком являлся корсиканский, отказался от поддержки французского языка в национальном масштабе. Школы вновь были переданы церкви, возобновившей практику преподавания на латинском языке. Реформированная в период Великой французской революции орфография вернулась к архаичным дореволюционным нормам, некоторые лексические единицы, возникшие под влиянием политических событий, были выведены из обращения.

Заметную роль в истории Франции и России сыграла Отечественная война 1812 года. С лингвистической точки зрения она примечательна тем, что генеральные штабы французской и русской армий использовали французский язык как средство коммуникации. Эта особенность оказала влияние на результативность процесса заимствования лексем русским и французским языками. Поскольку обстоятельства проникновения ряда заимствований из языка-донора зачастую являются обскурными, особый интерес представляет исследование истории и результатов данного процесса.

Так, возникновение русского *иваль* ('негодный, ничтожный человек') зачастую связывают с отступлением французской армии, оставлявшей позади себя трупы солдат и лошадей (*cheval*, m). Еще одна гипотеза, связанная с достаточно невысоким статусом валета в карточных играх, не выдерживает критики, поскольку перевод русского *валет* на французский как *chevalier*, m не является верным. В данном контексте эквивалентом должно было бы выступать *écuyer*, m ('оруженосец'), однако корневая сема этого слова происходит не от *cheval*, а от *écu*, m. Примечательно в этой связи, что М. Фасмер утверждал, что слово *иваль* происходит от имени Ивашки Шваля (*иваль* 'портной'), открывшего ворота Новгорода шведам в 1614 году [4].

Еще один миф связан с обстоятельствами появления во французском языке слова *bistro*, m, или *bistrot*, m. Популярная версия возникновения данной лексической единицы сводится к утверждению, что казаки во время оккупации Парижа требовали, чтобы в питейных заведениях их обслуживали *быстро*. Однако ни эта легенда, ни табличка у входа в ресторан «À la mère Catherine» в районе Монмартра не являются достаточными доказательствами, если учесть, что арготизмы *bistraud*, m ('слуга, мальчик на побегушках'), *bistingo*, m ('кабаре') возникли в середине XIX в., а первое упоминание собственно *bistrot* / *bistro* как питейного заведения относится к 80-м годам XIX в. [4].

Фамильное утверждение *Oui-da!*, усиленное якобы русским *Да*, на самом деле не имеет ничего славянского. Частица *-da* происходит от форм повелительного наклонения 2-го л., ед. ч. глаголов *dire* и *aller* и в результате альтернации претерпела следующие изменения: *Dis + va* → *dia* → *dea* → *da*.

Категоричное отрицание *Niet*, весьма схожее фонетически с русским *Нет*, в действительности происходит от наречия нидерландского языка, имеющего смысл 'не, нет'.

Французское существительное *cosaque*, m после окончания наполеоновских войн стало употребляться для обозначения царских казаков. Однако это заимствование не является прямым. Как указывает М. Фасмер, этимология данной лексической единицы восходит к XVI в., когда казаками называли козовые племена черноморского побережья, промышлявшие разбойными нападениями. В начале XVII в. козаками стали называть украинских конных воеводников, поступивших на службу к польскому королю. В свою очередь, польское *kozak* через опосредованное заимствование происходит от тюркского *quzzak* ('искатель приключений, авантюрист'): «turque *Quzzak* → ukr. *Kozak* → pol. *Kozak* → fr. *cosaque*, m» [4, с. 158].

Изучение особенностей процесса заимствований и их интеграции является необходимым для понимания картины исторического развития страны и народа. Как мы уже отмечали ранее, «les écarts culturels et linguistiques ne sont plus laminés. Par la suite, la formation linguistique devrait prendre du sens par rapport au contexte local, culturel et linguistique» [6].

Литература

1. Тимескова, И. Н. Лексикология современного французского языка / И. Н. Тимескова, В. А. Тархова. – Л.: Просвещение, 1967. – 190 с.
2. Lopatnikova, N. N. Lexicologie du français moderne / N. N. Lopatnikova, N. A. Movchovitch. – М.: Высшая школа, 2001. – 247 с.
3. Виноградов, В. В. Русский язык / В. В. Виноградов. – М.: Русский язык, 2001. – 720 с.
4. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : т. 1–4 / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1986.
5. Moreau, G. Souvenirs de la Petite et de la Grande Roquette / G. Moreau. – Paris : Rouff, 1884. – 2 vol.
6. Филимонова И. Ю. L'étude des patois français et sa place dans le curriculum universitaire / И. Ю. Филимонова // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте – V : сб. науч. ст. / под ред. Е. Е. Иванова. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова. 2018. – С. 248–251.